

Отец - Лучший сын.
Люблю

Письма
с
фронта

Прикосновение к памяти

Не забуду
ЭТОТ
день

НЕОЖИДАННО зазвонил телефон. — Говорит Лидия Федоровна Пырскова, — раздался в трубке мелодичный женский голос. — У Нины Овчинниковой в семейном архиве хранятся письма с фронта ее отца Павла Романовича Назарова. А я его племянница. Может быть, заинтересуют вас эти письма!

На следующий день женщины были у меня. Нина Павловна, несколько волнуясь, рассказывала:

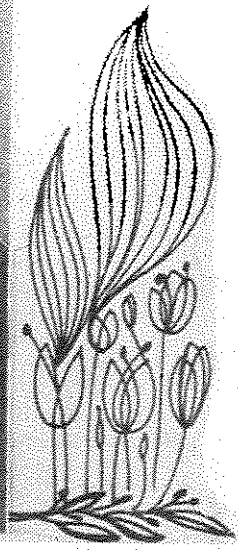
— Отец мой родился в 1912 году в деревне Ершово, Березовского района. Там и вырос. В Боготольский район мы переехали в 1938 году. Жили сначала в Большой Косули. Отец там работал в сельском Совете. В 1940 году его перевели в Боготол, в милицию, начальником военно-учетного стола.

Когда началась война, отец неоднократно писал рапорты об отправке его на фронт. И в конце 1941 года все же добился своего — добровольцем пошел громить фашистскую нечисть. А дома осталась его престарелая мать, наша мама Аня и мы, пятеро ребятнишек...

Он был коммунистом. Он очень любил нас, он очень любил жизнь. И эти письма — память об отце.

Письма с фронта... Бесценные документы. Свидетели человеческих характеров. Свидетели той эпохи, когда слились воедино героизм и отвага, радость и боль, созидание и смерть. Они зачастую — единственное, что осталось от отца, мужа, брата, любимого.

Павел Романович успел написать всего восемь писем. Читал я эти выцветшие, потертые временем листки, с большим волнением. В них он весь — добрый, душевный, человеческий. Прочтите и вы их. Сердцем прикоснитесь хоть к чужой, но памяти...

Действительную службу я проходил на Тихоокеанском флоте, куда призвали меня в 1939 году. Я уже был на положении «старослужащего» и мечтал о том счастливом дне, когда во всем блеске морской формы вернусь в Боготол, но грянула Великая Отечественная война и нарушила все мои планы и мечты. Уже в конце июля 1941 года я оказался в Мурманске.

— Мурманск — морские ворота страны, и мы должны отстоять его, говорил на построении командир корабля. — Потеряем Мурманск, потеряем помощь союзников. Помните об этом...

И мы помнили. Ни воздушные налеты, ни атаки с моря, ни подводные лодки не заставили нас оставить свои позиции. В мае 1942 года я получил первое ранение при бомбежке, и был направлен на лечение в Архангельск. А когда вылез, врачи сказали: «На корабль вам больше нельзя, пойдете в морскую пехоту».

В 1943 году положение на Карельском фронте было тяжелое. Гитлеровцы принимали меры к тому, чтобы взять инициативу в свои руки, завладеть нашими позициями и, развивая наступление на суше, овладеть важными стратегическими объектами. Запомнился мне один день. Командир нашего батальона ре-

НУ, НАЧИНАЮ писать. Свое обещание написать из Омска не выполнил потому, что остановки не было, а на ходу писать невозможно при той тесноте, в которой едем.

Опишу свое путешествие по порядку. 33-м поездом я доехал до Барабинска, где догнал третий эшелон своего полка и пересел на него. В Куйбышеве по-прежнему обещали на фронт

на фронт бить фашистских гадов.

На днях, наверное, получим зарплату и сразу пришлю вам перевод. Как дело с выпиской газет?

29 марта 1942 года.

Здравствуйтесь, родные! Шлю горячий привет маме, Ане, Вине, Воле, Люсе, Подине и моей любимой Ниночке, о которой я уже

дывает, отстает от жизни. Мы уже шестой день ведем бой, противник несколько раз обстрелял нашу батарею. В первый же день, 12 мая, рядом со мной осколком снаряда ранило командира орудия. Но и мы даем сдачи. Сбили миномет, разбили продсклад, две автомашины, несколько блиндажей, били и пехоту. Заняли два населенных пункта.

своими глазами посмотрелся, что они сделали с нашими селами, с нашими людьми. Пощады гадам не может быть никакой!

Особенно прошу маму: не беспокойся и не плачь. Гордись тем, что твой единственный сын в общей массе защитников Родины с оружием в руках спасает ее от диких псов. Кроме того, гордись, мама, тем,

смерть комиссара жестоко отомстим врагу. Комиссар полка временно комиссаром батареи назначил меня. Работаю за двоих: заместителя командира батареи и комиссара.

За успешное окончание учебного года при получении зарплаты вышло в подарок ребятам 100 рублей денег. Пусть покупают учебники, карандаши, тетради и другие шестипен-

нели, а также сдал я свои валенки и получил сапоги.

В Сызрани догнал свой эшелон и сейчас едем в Воронежском направлении. Едем очень медленно. В Тамбове ходили в баню. После бани эшелон ходили в кино, перед картиной выступали студенты музыкального училища.

В Тамбове видел кусочек войны: авиабомбой разрушена часть каменного дома. Сейчас по дороге все чаще и чаще встречаются признаки бомбежки.

От Барабинска я ехал в вагоне, в котором ехали два красноармейца из гостпалаты и 14 человек из грудбатальона. На станции Курган я пошел к коменданту узнать про свой эшелон. Вскоре туда же пришли раненые бойцы. За наше отсутствие остальных перевели в другой эшелон, который пошел на Свердловск, и они забрали мои вещи. Сделали они это без цели, думали, я тоже поеду на Свердловск. Таким образом я лишился белья, книг, и, что больше всего жалко, тетрадей и бритвы. Правда, полтенце старшина дал, карандашей и немного бумаги достал. Вообще, начинаю обзаводиться понемногу.

Вот и все мои новости. Зерплату еще не получал.

Аня, если есть возможность, выпиши месяца на три «Колхозное знамя», так как я думаю писать в газету.

Добрый день, родные. Шлю вам горячий привет и желаю здоровья. 23 марта мы выгрузились и разместились в квартирах в селе, но я вам не писал потому, что не был установлен наш адрес.

Зачислены мы в действующую армию Юго-Западного фронта и сейчас находимся в резерве, продолжаем занятия. Неделек тот день, когда выступим

начал скучать. Сообщаю, что я вам отправил письма 22/III, 31/III, выслал денег 1000 рублей 3/IV, а от вас еще пока ответа не получил.

18 апреля мы выехали из Воронежской области, продвинулись на юго-запад и сейчас находимся в Курской области, в 70 километрах от фронта. Скоро, наверное, будем иметь свидание с фрицами, гансами и другими непрошенными гостями, которых постараемся угостить от всего сердца нашими артиллерийскими конфетками.

Аня! На высланные деньги купи картошки на семена и посади. С мая ты будешь получать по аттестату 500 рублей. Аттестат я переформил. Сейчас мы получаем 25 процентов полных, итого мне причитается 843-75, высчитывают аттестат 500 р., заем 70 р., питание и курево бесплатно, наличными я получаю 273-75. На молоко, на яйца мне пока хватает. Не стесняйтесь себя и вы. Ребят поощряйте, если хорошо учатся — давай деньги на кино. Не скушайте, по возможности, сти развлекайтесь, а я уж буду нагонять, когда буду дома. Тебе, Аня, я верю. Верю, что твой характер не позволит меня забыть — это ты доказала, за что я больше всего тебя люблю. Жди, я приеду. Никакая пуля меня не возьмет потому, что я быстро хочу жить, разбить врага, вернуться к семье. А когда чего быбико хочешь — тогда добьешься обязательно...

26 апреля 1942 года.
Здравствуй, Аня, мама и дети!!!

Шлю вам горячий фронтской привет. Вот уж несколько дней мы приближаемся к фронту, слушаем музыку артиллерийской канонады, а последние два дня — пулеметную и ружейную стрельбу...

Да, открытка моя запаз-

пишу прямо на наблюдательном пункте. Сейчас только разбил своей батареей блиндаж, где похоронил пулемет врага. Наблюдаю за минометом. Сейчас открою огонь, минутку обожги...

17 мая 1942 года.

Здравствуй, родные! Сообщаю, что я жив и здоров, продолжаю бить немецких бандитов, которые хотя и сопротивляются, но под натиском наших частей отступают на запад. Нами охвачено и занято 4 села. Что он делал в этих селах, вы, наверное, уже прочитали в газете «Колхозное знамя», где я описал несколько фактов фашистского зверства над мирным населением. К этому могу еще добавить, что мы прошли одну деревню, где хозяйничали немцы. Так в ней из 60 домов осталось только один, а от остальных только печи да груды золы. В освобожденных селах люди сейчас начинают копать огороды. Начинается жизнь.

Привет всем вам. Целуй за меня ребят и береги их, но одновременно не давай шибко воли.

26 мая 1942 года.

Добрый день, мама, Аня и ребята!

1-го июня я получил третье ваше письмо. Вы обижаетесь, что редко пишу. Конечно, обида справедливая. Но я никак не нахожу, о чем часто писать. И вы не беспокойтесь, что я долго не пишу — значит, все в порядке, жив и здоров. Если ранят, то, попав в госпиталь, сообщу сразу, а убьют, то вам об этом тоже сообщат. Но ведь я пришел на фронт не за тем, чтобы меня убили или ранили, а затем, чтобы освободить советскую землю, советских людей от немецких бандитов, бить немецких скупантов. И я бы, бью без пощады. Я теперь

это же выпало счастье бороться за освобождение цветущей Украины, где ты родилась и провела детские годы. Буду рад, если придется принять участие в бою за твоё родное село. Ну, а если и погибну, то дорого обойдется моя жизнь фашистским палачам, я уж их подходяще уложил и еще уложу.

Виня и Вова! Будьте дисциплинированы, не досаждайте маме и бабушке. У них и так расстройств хватает. Помогайте им лучше в работе, развлекайтесь с умом. Готовьтесь к новому учебному году. А сейчас мне сами лично напишите, какие получили годовые оценки, переведены ли в следующий класс, как обеспечены учебниками.

3 июня 1942 года.

Добрый день, родные! Вечером 3 июня получил ваше письмо, 11 июня получил письмо от Виника, а 13 июня — от Вовика. Я очень рад, что ребята решили в следующий класс, за полученные хорошие оценки — молодцы.

Могу похвастаться, что я тоже ударник, получил неплохую оценку командования. Шесть человек из батареи представлены к правительственной награде.

В последние дни я пережил большое горе: 10 июня с самолета противника убит комиссар батареи. 11-го я организовывал похороны. Но мы духом не падаем, за

вот же выпало счастье бороться за освобождение родины, а на остальные купят гостинцев для себя и для девочек и ходят в кино.

Моей Ане. Пройдет весна, исчезнут беды,

Пойдут счастливые года. Вернусь и я домой

К тебе, мой друг. Я твой всегда!
17 июня 1942 года.

Здравствуй, родные! Я жив и здоров, продолжаю воевать. 19 июня был жарким днем. Противник пошел в наступление, но наступление его было сорвано и отбито нами. Еще 2 человека из батареи представлены к награде.

За Нину беспокойно, особенно после сегодняшней ночи. Что-то думается нехорошее. Берегите ее лучше, она такая хадаренькая, милая девочка (перерыва, начинаю стрелять).

Итак, убили десятка полтора фрицев, можно ужинать.

Вечер 24 июня.

Утро 25 июня. Хотя это и глупости, но на чувствах отражается. Этой ночью я видел очень нехороший сон в отношении вас всех. Нину, Аню, Виню видел обвешанными. Шесть человек из батареи представлены к правительственной награде. Что с вами? Особенно беспокоюсь за Нину, вторую ночь я ее вижу в нехорошем отношении. Надеюсь, что у вас все в порядке. Все.

Назаровой Ане Алексеевне

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш муж, зам. командира батареи, младший лейтенант Назаров Павел Романович, находясь на фронте, пропал без вести 1 июля 1942 года.

Начальник отдела кадров, подполковник: Портяников.

Военный комиссар, старший батальонный комиссар: Николаенко.

Начальник 2. отделения, интендант 2 ранга: Майкос.

(Письма публикуются с некоторыми сокращениями).

Материал подготовил

А. ЧАЩИКОВ.

шил опередить немцев, первым ударить по ним. Но наступление сдерживал дзот, ведущий интенсивный огонь. Мне, старшине, и рядовым Ивану Баранову с Алтая и Николаю (фамилию его забыл) было приказано уничтожить дзот. Мы вооружились гранатами и поползли. На подступах к дзоту я приказал Ивану и Николаю рассредоточиться, чтобы кому-то из нас удалось забросить гранатами эту страшную огневую точку. Подобравшись поближе, я первым бросил гранату, это же сделали Иван и Николай. Дзот мы уничтожили. Зная, что немцы сейчас будут за эту утрату мстить огнем, я спрятался в воронке. И только я укрылся, как полетели мины. Одна из них взорвалась, где были Иван и Николай. И в это время наш батальон пошел в атаку. Первым делом я побежал к тому месту, где были мои товарищи. Они оба были мертвы. Похоронить их я не мог, так как должен был присоединиться к наступающим. Только сказал: «Прощайте, товарищи!» — и побежал вместе со всеми.

Наш батальон своей внезапной атакой окружил немцев. Одновременно наступали и другие подразделения. Прорыв был обеспечен. Мы закрепились на новой позиции. А вскоре мне за уничтожение дзота вручили первую боевую награду — медаль «За отвагу».

Вторую медаль «За боевые заслуги» я получил в Чехословакии. В одном из боев невозможно было подвезти снаряды к орудиям. Командир приказал доставлять их вручную. Мы ползли и тащили по ящику снарядов, чем и обеспечили успех схватки с врагом.

День Победы я встретил в Праге. И тогда, и теперь самое горькое воспоминание войны — это о павших боевых товарищах.

Р. ФРОЛОВ.